

Шестой месяц зимы

Перезимовали март. Апрельский
Снегопад густой в пространстве вьётся...
Теплотрассы – городские грелки –
Занесло. Ну как нам здесь живётся?

Раньше это было место ссылки,
Каторжане здесь тянули лямку.
Мы ж по доброй воле (по ухмылке ль
Слепенькой судьбы – родимой мамки?).

Северный народ страны огромной,
Зимовать полгода нам не внове,
Что нам лёд, мороз, снега? Но кроме
Ночи знаем кое-что дневное:

Это лето... Робкое, рябое,
Иль в истерике, в грозе и ливнях,
А бывает жаркое. Любое
Любо нам, желанно, не противно...

Потому что ждем его полгода,
Из зимы не вылезая! Боже!
Ну за что такая нам погода?
Или нам она за что-то всё же?

«У природы нет плохой погоды»,
У природы – нет, у нас – навалом...
Причитаем дружно год от года,
Но... живем под снежным покрывалом.

Где-то нет зимы. И не бывает.
Круглый год лишь солнце светит где-то.
Может, люди там не унывают,
Но не знают, что есть Счастье – Лето...

Заболотье

Эх, Россия... Бескрайняя. Топкая.
Отмеряет планета века,
Ну а мы – потаёнными тропками
В лес, в болота уходим. Пока!

Нет, айфоны и сети – пожалуйста –
Среди тундры, дремучей тайги
Вышки воткнуты в землю, безжалостно
Разорвав кожу ягод тугих...

За урманы, болота – в селения
В путь по зимнику, что держит март,
Отправляется мега-вселенная –
Медицина, торговля, театр.

Электричество – строго по графику,
Каждый день – рыбный день круглый год,
Сети промысла – вечного трафика
В каждом доме хозяин плетёт.

Народится дитё – здесь и вырастет,
Анемия не вытянет рост,
Что отпустит природа по милости,
С тем и в мир, в жизнь, в судьбу, на погост...

Где-то лезут в поля мегаполисы,
На дорогах – железа струя,
В Заболотье, как в Северном полюсе
Замороженной вечности яд.

Нам, глядящим из цивилизации,
Не понять инородцев. А им
Новый век открывать, может стать так,
Только им. Заболотным. Живым.

Наткнулась

Наткнулась на стихи.
Вот – как иду по пляжу,
Ступаю по песку,
Вдруг – галька, вот – ещё.
Стою. Босой ступнёй
Округлость камня глажу,
Прям как на процедуре,
Прописанной врачом.

Приятно и тепло.
Но вдруг – и боль, и холод,
И слёзы. Но не те,
А чистые, без зла.

И – выдох... Хватит врать,
Пыхтя и хорохорясь,
Что типа всё пучком –
В ответ на «Как дела?».

Ох, как внутри кипит,
Как рвётся междометье
Из горла – промеж глаз...
Но – Господи, прости.
Есть путь – среди песка
Идти через столетье,
Найти свои стихи
И с камня не сойти...

Черешня

О, только б если у меня
Вдруг было много денег...
Нет, не железного коня,
И не электровеник,
Не шестикрылый особняк
(Замаешься с уборкой!),
Не самолет купила б я.
Вот от чего в восторге –

Так это – от плодов.
От них –
От этих дивных ягод.
Насыпьте только их одних
Мне гору. И чтоб я бы
Сидела возле той горы –
Черешневая гуру,
Любуясь блеском кожуры
И подперев фигуру.

О, я б устроила кураж,
Позвав подруг с дитяи,
Сказала б: «Девушки! Пора
Нам вспомнить, кто мы сами.
И обожраться наконец
Сей сладкою вкусняшкой,

И въехать в лето на коне,
И быть всё лето няшкой...».

И мы бы спели что-нибудь
Вокруг горы той спелой,
Потом из косточек стрельбу
Устроили б умело,
И к осени на тех местах,
Куда попало семя,
Взошли б деревья – на ушах,
На лбу, как у оленя...

Ну зиму можно пережить –
Укрыть кусты дерюгой,
Зато к весне не надо шить
Нарядов – пышным югом
С роскошной кроной кружевной
Мы явимся с цветами
И угостим в июне всех
Пурпурными плодами...

...Копаюсь в ящичке – ищу
Крупнее и послаще
Черешню. Эх, опять спущу
Всю пенсию.
– Мне – ящик!

Поклонение

*Да. Лучше поклоняться данности
с убогими ее мериллами,
которые потом до крайности
послужат для тебя перилами
(хотя и не особо чистыми),
удерживающими в равновесии
твои хромяющие истины
на этой выщербленной лестнице.*
Иосиф Бродский

Идолы. Лозунги. Правила.
Следовать слепо, затравленно
Неоспоримым традициям,
Быть приближённым, партийцем ли –
Главное, чтобы хоть с кем-нибудь,
Не в одиночку делить свой путь,
Сдышащим в спину, к плечу плечом
И – покатиться вдруг. Калачом.
Всё растерять – где шарнир? Где ось?
Поздно. Всё сдвинулось, понеслось,

Калейдоскопом бьёт кинескоп –
Хлётско, наотмашь – в чугунный лоб.
Факты – зачем? Звон со всех сторон:
Как нам без идола – только Он,
Как заклинание – имярек,
Слово забытое – человек...
...И на обочине, чуть дыша,
Грязной бродяжкой дрожит душа,
Да бьёт поклоны неистово
Данности. Совести. Истине.

Первый день. Он родился – и был только свет,
Оглушительный свет – постижение мира.
А потом были звуки созвездий-комет –
Скрип, и скрежет, и лай, и урчанье эфира...

Средь молочного запаха, тёплых пелён,
Обитает и голос, певучий, манящий...
И однажды сквозь белый младенческий сон
Вдруг проявится первое Слово. Щенячьи

Завиляет хвостом пробудившийся мозг,
Рот улыбкой пойдёт, зашевелятся веки,
И откроется тайна – вот этим всерьёз
На Земле различаются все человеки.

Не овалом лица, не желанием плотским,
Не умением дышать и не именем даже,
А единственным Словом – отличьем людским
Мир откроется снова, когда его скажем!

А потом все пойдёт как по маслу... Слова
Будут звать, будут бить, возносить и калечить
До тех пор, пока их не уймет голова
И не станет владеть ими. По-человечьи.

В третий раз развернется полуночный мир,
Иль – полуденный, как прозвучит Откровенье.
И в пространстве жилищ – человеческих квартир
Обитатель впервые родит Сочиненье.

И тогда голова потеряет права
На владенье объектом своим, и по праву
Человечьей души станут карандаши
Выводить не слова, а Значенье и Славу...

...Мир уснет. Будет сладко посапывать кот.
Закряхтит в колыбели младенец. И в мире
Будет бодрствовать вечное Слово. И тот,
Кто его написал. В небесах. И в квартире.